Граф Бургундии Гай воспитывался вместе с Вильгельмом как друг и родственник, и с ним обращались очень великодушно. Он был хозяином нескольких крупных владений, и одним из них была мощная приграничная крепость между Нормандией и Францией. У него было много друзей и достаточно неравнодушных к его предложениям слушателей. В его жилах текла кровь королевских семей Бургундии и Нормандии, он претендовал на герцогство как наследник, а поскольку многие при дворе стыдились своего законного властелина и были готовы свергнуть его власть, у Гая появился шанс.

Вильгельм был достаточно осторожен, и у него уже был опыт. Когда он был еще ребенком, то использовал малейшую возможность добиться своего и не позволял себе расслабляться. Этот признак его будущей власти подтвердился лордами Нормандии. Соперничающие, игнорирующие закон лорды чувствовали, что их дням вседозволенности и угнетения вскоре подойдет конец, если они не нанесут быстрый удар. Они опасались такого сильного и строгого хозяина и поэтому объединились под знаменем соперника Незаконнорожденного — Гая Бургундского. Были некоторые представители знати Котантена, оставившие молодого герцога и перешедшие на сторону его соперника, который едва ли вообще был норманном (по их определению). Он был норманном по материнской линии, или, если пользоваться терминологией самих норманнов, норманнское происхождение было скорее связано с веретеном, чем с мечом. Предки его матери в иные дни не могли бы даже помешать тому, чтобы его называли французом. Что казалось вампиру весьма забавным.

Как он смог разузнать, Гай обещал разделить земли Нормандии среди своих союзников, оставив себе лишь то, что французы подарили Рольфу, и это, наверное, было причиной измены потомков Рольфа и лояльных колонистов Вильгельма Лонгсворда. В жизни и окружающей обстановке феодальных лордов даже в годы несовершеннолетия Вильгельма происходили огромные изменения.

Вождем баронов в этом мятеже выступал виконт Кутанса, сын того военачальника, который разгромил короля Англии Эфельреда и его войско почти за полстолетия до этого. Он жил в замке на берегу реки Уна, где впоследствии построил аббатство Сен-Савиур, которое было центром восстания, и с высокой башни Сен-Савиура открывался прекрасный вид на Котантен с его ухоженными полями и пастбищами, с лесами, утесами и болотами, великим монастырем Лессэй. Тут и там стояли на страже крепкие замки его феодальных лордов. Сюда прибыли Рандольф из Байе, Хамон из Ториньяны, а также Гримбальд из Плесов иса. Они подготовили крепость к осаде и поклялись, защищая Гая Бургундского, применять любую военную хитрость, даже предательство, чтобы подчинить и опозорить Вильгельма. Кол усмехнулся, «даже предательство», скорее это было первое средство бунтовщиков в их стремлении добиться цели. Они организовали заговор, чтобы схватить и убить Вильгельма в Валони, в его любимом замке, и удар должен был нанести Гримбальд. Но как известно, герцог сумел спастись.

Король Франции Генрих был в глубине души еще одним врагом герцога. Поначалу трудно было понять его отношение к своему молодому соседу. Он едва ли когда-либо действительно признавал его, а Вильгельм, со своей стороны, никогда не вкладывал рук в королевские, объявляя с подчеркнутым почтением к своим предкам, что является человеком Генриха. Во времена юности Вильгельма, когда Нормандия оставалась без хозяина, у короля был хороший шанс, который выпадает раз в жизни, укрепить свою власть, захватив по крайней мере часть нормандской территории. Недовольство низким происхождением наследника герцогства не

могло само по себе служить оправданием такой узурпации.

Однако, в то время как феодальные лорды находились в большом смятении и занимались по большей части выяснением отношений друг с другом, в то время как у них было так мало национальных чувств, а лишь яростная междоусобица, это был подходящий для внешнего врага момент обогатиться за их счет. Время, когда Нормандия стремилась бы к большему объединению из-за внешней опасности, еще не пришло.

Французская и скандинавская фракции все еще различались и с подозрением относились друг к другу, но когда наконец король Генрих без предупреждения вторгся со своими солдатами на территорию Нормандии и захватил Эврецин, было слишком поздно. Слишком поздно, если принять во внимание то, что последовало затем, несмотря на вспышку новых проявлений зависти и возрождение старых обид и ненависти.

Генрих одержал победу и какое-то время торжествовал, он потребовал себе знаменитый приграничный замок в Тилье и настоял на том, чтобы его разрушили. И, хотя храбрый командир держался до конца даже вопреки приказу Вильгельма, в итоге он вынужден был сдаться. Генрих тут же разместил там гарнизон, что давало ему сильную власть над Нормандией.

С этого момента последовал период мира. Король казался удовлетворенным. А голова молодого герцога была занята усиленным изучением врагов, уже проявивших себя или еще скрывающихся под маской лицемерия, а также своих возможных или вероятных союзников. Готовность поступать как должно делала герцога Вильгельма настоящим мужчиной даже во времена его детства, чем Кол определенно гордился. Но не считал это своей заслугой, и без его участия герцог должен был вырасти таким какой он сейчас. Он лишь улучшил его изначальные качества, и научил читать и писать. Так как не мог уважать человека, не имеющего таких элементарных по его мнению навыков. Все остальное делал сам юный герцог, он перестал вмешиваться в его обучение уже через год, посчитав его знания приемлемыми.

На данный момент он наблюдал за совещанием герцога с преданными вассалами. Эта битва будет битвой конницы — настоящее сражение времен рыцарства. Это было довольно прозаично, по мнению вампира. Поле битвы протянется вдоль реки Орн и длинных склонов невысоких холмов, покрытых мягким дерном, как в живописных английских низинах за Ла-Маншем. Но была одна загвоздка — шансы на победу были мизерные, так как войск было мало.

— Нам нужна поддержка короля, без нее нас разгромят! Надо хотя бы попросить помощи! — прокричал один из союзников Вильгельма, ударив кулаком по столу. Кажется это был один из лучших рыцарей в их рядах, вот только Кол не мог вспомнить его имени. Хотя, справедливости ради, стоит прояснить что тот даже не попытался этого сделать.

— И что ты предлагаешь? — спокойно произнес юный герцог, сурово смотря на подчиненного. Он не хотел показывать свою слабость перед кем либо, особенно в присутствии того чье мнение ему было не безразлично. — Прежде Генрих не стыдился принимать сторону норманнских предателей, и теперь, когда появился шанс разделить на куски герцогские земли и присоединить большие владения к Франции, я более чем уверен, что он воспользуется этим.

— Не стоит отметать это предложение так поспешно, Вильгельм. Если ты не возражаешь, я возьмусь за это дело. — вступил в разговор лорд Кол, на что Вильгельм дал согласие, задумавшись лишь на мгновение.

— А ты кто такой? — бестактно спросил его все тот же рыцарь. Кол улыбнулся уголками губ, заставив того нахмуриться.

— Лорд Кол Майклсон.

— Майклсон?! А не из тех ли ты Майклсонов, что когда-то были вассалами Роберта Благочестивого? — ошарашенно произнес рыцарь. — Я слышал много историй о сыновьях этой семьи, которые участвовали в войне против Бургундии. Еще от своего деда слышал о том насколько неистово сражались их войска, не проиграв ни в одной из битв!

— Так и есть. Я из тех самых Майклсонов. — кивнул вампир, смотря на ошарашенные лица союзников, увидевших по их мнению потомка легендарных воинов. Единственным равнодушным к этому человеком оставался Вильгельм, уже знавший про это. — Странно, что кто-то еще помнит о нашей семье.

— Помнит?! Да если ты сражаешься хоть на половину так же как я слышал о твоих предках, то мы непременно одержим победу в этом нелёгком сражении!! — воодушевленно прокричал рыцарь.

— Не сомневайтесь в этом. Мои пятьдесят воинов готовы к сражению в любой момент. — произнес Кол.

— Так мало? Я считал что у вас воинов будет больше. — прозвучал голос одного из собравшихся союзников, кажется его звали Вэйс.

— Когда мои предки сражались в войне, войск было меньше пятисот. Думаю и я справлюсь. — раздражённо ответил Кол. За это время больше пятидесяти обученных и верных лично ему вампиров собрать не удалось. А их содержание было еще труднее, так еще и над артефактами подавляющими голод пришлось поломать голову. Ведь без этого они будут разрывать людей голыми руками, так еще и на виду у всех. Конечно он мог стирать память, но не у стольких людей одновременно. От такого и умереть можно, в очередной раз.

***

Король Генрих, прибыв с юга со своими спутниками, остановился в небольшой деревне Валмерэй послушать мессу. Вскоре они соединились на просторной равнине, лежащей вдали, с людьми герцога. Вильгельм удивился тому, что король был на их стороне, но не показал этого на лице. Расслабляться было нельзя. Их противники уже были здесь. Лошади в нетерпении перебирали ногами, видя сверкающие щиты и уловив дух предстоящего столкновения. Копья, обвязанные яркими лентами, блестят на солнце, длинные ряды рыцарей наклоняются,

вздымаются и раскачиваются, подобно забавным декорациям. Дух захватывает от грандиозного разноцветья шелков на зеленой траве. Высоко в небе проносятся мимо птицы и тут же возвращаются, в недоумении от странного вида родных мест. Их гнезда в траве растоптаны — мир наполнен людьми в доспехах, которые громко смеются и приносят клятвы и которые собрались здесь для чего-то странного, скорее для того, чтобы убивать друг друга, а не жить на благо Нормандии.

Серые и прямые стены церковных башен, разрезая голубизну неба, уходят ввысь. Вдали теряются в дымке зеленые поля, с маленькими, как бы игрушечными домиками, а овцы и коровы беззаботно щиплют траву на пастбищах. Это великий день для Нормандии, лучшие ее рыцари сжимают рукоятки мечей или в последний раз поправляют подпруги, с нетерпением ожидая начала битвы.

В первой великой битве Вильгельма, при Вал-и-Дюне решался вопрос о господстве: чье правление возьмет верх — котантенских лордов и Гая Бургундского или Вильгельма Незаконнорожденного. Это великая битва скорее по своему значению, чем по количеству участвующих в ней людей. Вильгельм призвал верные ему провинции на помощь, и ко двору прибыли рыцари Нормандии, в то время как из Бессина и Котантена прибыли мятежники, готовые помериться силами.

Среди котантенских лордов был Ральф Тессон, хозяин сенкелейских лесов и замка в Харкурт-Тэри, со ста двадцатью рыцарями, хорошо вооруженными, доблестными и бесконечно ему преданными. Он поклялся на святых мощах в Байе беспощадно бить Вильгельма, где бы его не встретил, хотя, кроме притязаний на престол, у него не было личных причин обижаться на друга детства.

Его сердце дрогнуло, когда он увидел своего законного властелина. Да, он был внуком дубильщика кож, его родители согрешили — все это было верно, и все же молодой герцог Вильгельм был красив. И он был таким же храбрым воином, как и его предшественники — законные сыновья Рольфа или Ричарда Бесстрашного.

Ральф Тессон, по прозвищу Барсук, человек проницательный и могущественный, держался в стороне и не примыкал со своими людьми ни к кому. Его рыцари сгрудились вокруг него и напоминали о том, что однажды он поклялся в верности Вильгельму, а теперь готовится к бою против своего законного властелина.

Котантенские лорды не на шутку встревожились. Они сулили Ральфу золотые горы, но он никак не проявлял своих намерений и молча стоял несколько в стороне от войск. Молодой герцог с лордом Колом и король заметили и его, и сто двадцать рыцарей его отряда, поднявших копья с трепещущими шелковыми опознавательными знаками, вышитыми их возлюбленными.

— Лорд Тессон будет на нашей стороне, — произнес Вильгельм скорее для короля, чем для кого-то другого. Генрих посмотрел в лицо своему молодому вассалу, тем самым задав немой вопрос. — Ни Тессон, ни его люди не имеют ко мне претензий, — ответил на него герцог, чтобы через мгновение посмотреть на своего бывшего опекуна.

— Ты их разгромишь, — произнес Кол, всматриваясь в войско противника.

— Мы их разгромим, — поправил его Незаконнорожденный, улыбнувшись слегка расширившимся глазам бывшего опекуна. Не каждый день тот проявлял хоть какие-то эмоции, а в последнее время все реже.

Внезапно Тессон пришпорил коня и стремительно двинулся через открытое поле, все лорды и воины, затаив дыхание, наблюдали за ним.

— Тэри! Тэри! — кричал он, и ему вторило эхо. Он подъехал прямо к герцогу, что вызвало ропот в рядах людей Котантена, и мягко ударил его своей перчаткой, обыграв так свою клятву над святынями Байе. Он ударил Вильгельма, и с этого момента был свободен от клятвы, а его рыцари снова были людьми Вильгельма.

— Спасибо тебе! — сказал молодой герцог, поприветствовав своего друга.

И началось сражение, разгораясь все сильнее благодаря ярости переметнувшихся баронов и их жажде мести. День начался дурным предзнаменованием. «Dex Aide!» — раздавался древний боевой клич норманнов, со стороны Золотой лилии Франции неслось: «Помоги, святой Денис!» — кипела битва.

В будущем, тогда еще Дориана, солдат был солдатом, а люди, избравшие другие профессии, занимались своим делом, пока стране не угрожает опасность. Но в эти времена каждый мужчина должен был участвовать в войне, если в нем была нужда, будь то врач или чиновник. Он обязан был быть солдатом, даже священники и епископы брали в руки оружие и шли в бой. Но Кол даже не обратил внимание на имена людей, доносящиеся во время переклички в день битвы, а его воины не участвовали в нем. При этим против своей воли он почти слышал крики, обращенные к покровителям-святым, и бряцание оружия.

Отважно сражался в самой гуще король Генрих, и битва как ураган яростно кружилась вокруг него. Уже обломались копья рыцарей, и они сражались на мечах. Никакой военной тактики или маневров в политике не было, была рукопашная схватка, где успех определялся лишь силой отдельных людей и лошадей. Хоть вампир и считал это глупостью, но все же позволил себе ее.

Был момент, когда короля Генриха сбросили с лошади ударом котантенского копья, но он тут же вскочил с земли, чтобы показаться своим людям, и бросился в гущу сражения. На него набросился один из трех великих военачальников мятежников, и он снова оказался на земле.

В свою очередь лорд Ториньи был сражен верным французским рыцарем. Однако скоро и его мертвое тело унесли на щите, как некогда уносили погибших спартанцев. Король оценил доблесть этого воина и после сражения прикажет похоронить его с почестями в церкви неподалеку от поля битвы.

А пока юный герцог тоже не уступал своим подданным. Он сражался против Хардреса, одним из самых знатных и смелых воинов Байе. Хоть он и был юн, и не участвовал в том количестве битв в которых побывал его противник, но все же не уступал тому в мастерстве владения мечом. И вот, Вильгельм пронзил мечом своего дерзкого врага, как тот упал и испустил дух. Рядом с ним с сожалением покачал головой господин Вейс, продолжив сражение. Вэйс был родом из Байе, и хотя он был певцом и верным вассалом великого герцога, не мог не выразить гордости и печали по поводу судьбы Хардреса.

Без устали сражался Нил из Сен-Савиура, подбадривая людей. Однако Рандольф из Байе чувствовал, что мужество начинает оставлять его. Их великий союзник Хардрес — лучший из рыцарей — был мертв, сраженный жестоким ударом меча. Потеряв из виду Нила, он испугался предательства и вдруг пожалел о том, что взялся за оружие. Ход битвы больше не интересовал его. Он думал о том, как печально быть пленником, а еще печальнее — убитым. Он отступал, слабея при каждой атаке, бросался то вперед, то назад, чего не следовало делать. Вейс видел его то на переднем плане битвы, то в тылу, в конце концов он бросил оружие. В итоге рыцарь опустил голову и бросился наутек. И Вейс смотрел на труса с поникшей головой и его доброго усталого коня, лучшего из них двоих, из последних сил уносящего хозяина от опасности. При этом испытав стыд за соотечественники. За ним в панике кинулись остальные трусы, однако Нил сражался до конца, не покидая поля битвы, пока не был ранен в правую руку лордом Колом, который все же пощадил храброго воина, не могущего нанести удар.

Французы продолжали наступать, ряды норманнов поредели, они выглядели совершенно измотанными, и могущественный лорд Котантена понял, что надеяться не на что. Здесь, на холмах у реки Св. Лаврентия, был нанесен последний удар. Группами по три-четыре человека мятежники покидали поле боя, спасая жизнь.

Герцог преследовал их, как гончая — зайцев, по направлению к Байе, мимо Великого аббатства Фонтеней и альманских каменоломен, пока они не достигли реки Орн, стремительной и опасной. Люди и лошади бросались в реку, и их свежие раны окрасили ее воды в темно-красный цвет. Они тонули один за другим, эти несчастные рыцари и их храбрые кони. Поток уносил их борющиеся с течением тела, берега реки были усыпаны трупами, и колеса водяной мельницы в Борбилоне, ниже по течению, были остановлены никчемными остатками войск тех лордов и воинов, которые проиграли свою последнюю битву в Вал-и-Дюне.

Таким образом, Вильгельм завоевал Нормандию. Гай Бургундский, предав друзей, опозорил свое имя, бежав с поля битвы. Это была судьба, а не личная трусость. Гай Бургундский повел за собой троих котантенских лордов обещаниями и насмешками по поводу незаконнорожденного герцога, и ему следовало быть храбрым и доблестным, если он принял решение тягаться с таким человеком. Он направился не к берегам роковой реки, а в прямо противоположном направлении, к собственному замку в Брионе.

Там он довольно долго защищался с группой верных вассалов, бежавших вместе с ним, пока Вильгельм не выманил их наружу, едва не уморив голодом, как крыс в яме. На это потребовалось всего неделя. По каким-то неведомым причинам еда и напитки очень быстро портились, обрекая жителей замка на голод. Но они держались с достоинством, и после сдачи никто не был предан смерти, а самому Гаю было даже позволено вернуться ко двору, но он лишился своих владений в Нормандии.

***

Ни с кем из предателей, участвовавших в битве при Вал-и-Дюне, не поступили сурово, что было вполне в духе того времени. Бароны платили штрафы и давали закладные, и многие из них были обязаны снести свои разбойничьи замки, которые построили без разрешения герцога.

Хозяин Сен-Савиура был вынужден отправиться в Бретань, но, очевидно, его обширные владения не были конфискованы, поскольку уже на следующий год он вновь при дворе, пользовался расположением герцога и занимал почетный пост. После этого он прожил еще сорок четыре года, необычно долгий срок жизни для нормандского рыцаря.

Какое-то время Гай Бургундский жил при дворе, а затем вернулся в родную провинцию, посвятив жизнь плетению интриг против брата.

Граф Гримбальд из Плесиса разделил худшую судьбу всех заговорщиков — его доставили в Руан и, заковав в цепи, бросили в тюрьму. Он признался, что пытался убить герцога ночью в Валони, когда дворцовый шут сделал предупреждение, и сказал, что рыцарь по имени Сале был его сообщником. Сале категорически отверг обвинение и вызвал Гримбальда на честный поединок. Однако когда подошел назначенный день, несчастный саксонский барон был найден мертвым в своей темнице. Оковы впились в его тело до самых костей, и он был похоронен в цепях в знак предостережения. Его владения были конфискованы, и часть из них была отдана церкви в Байе. Теперь наконец нормандские священники и рыцари знали, что у них есть хозяин.

Некоторое время в Нормандии было удивительно спокойно, страна переживала период расцвета. Великое герцогство занимало более высокую позицию в иерархии по сравнению с соседними королевствами, и, хотя произошли еще один мятеж и серьезные нападения со стороны завистливых соседей, все же саксонцы из Бессина и датчане из Котантена были разгромлены, и Нормандия стала более сплоченной, норманно-французской, чем прежде. Период длительной борьбы, который продолжался со времен детства Ричарда Бесстрашного, в конце концов закончился. Но тогда, после знаменитой битвы, уже недалек был день, когда герцог, собрав огромную армию, пересечет Ла-Манш и ступит на землю Англии.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/24542/658675